

УДК 82.091: 821.161.1 «1920/1939» (480)

ОБРАЗНАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ «РОССИЯ – ФИНЛЯНДИЯ» В РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ФИНЛЯНДИИ 1920–1940-х ГОДОВ

Е. Г. Сойни

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Статья посвящена соотношению образов Финляндии и России в поэзии и прозе русских литераторов, живших в Финляндии 1920–1940-х гг. в приграничье. Исследуется эволюция темы границы в русской эмигрантской литературе. Делается вывод о нераздельном существовании образов Финляндии и России, «двух рядом стоящих планет» в русской прозе и поэзии Финляндии.

Ключевые слова: граница, проза и поэзия русской эмиграции, контактная зона, соотношение образов, диалог культур.

H. G. Soini. THE PARALLEL OF IMAGES OF «RUSSIA – FINLAND» IN THE LITERATURE OF RUSSIAN EMIGRATION IN FINLAND IN 1920–1940

The article is devoted to the ratio of images of Finland and Russia in the poetry and prose of Russian writers living in Finnish borderland in 1920–1940. We investigate the evolution of the boundary theme from the geographical to the spiritual dimension. The images of Finland and Russia have existed in the minds of Russian writers as inseparably as «two planets standing side by side».

Key words: border, prose and poetry of Russian emigration, contact zone, ratio of images, cultural dialogue.

В любую политическую эпоху культурные связи между народами остаются наиболее ценными и устойчивыми. Особенно это ощущимо в контактных зонах, где происходит диалог культур, в результате которого появляются новые литературные и художественные произведения. Культура тяготеет к границам, к духовным и географическим одновременно. Знаковым становится сам переход границы. У литераторов он выражался по-разному. Географическая граница в поэзии и прозе, преображаясь, становится границей духовной, это и реальная русско-финляндская граница, и граница творения и небытия.

Еще в XIX в., например, в цикле стихотворений К. Случевского «Мурманские отголоски» на Севере сведена «граница родины с границей творения». Отсюда, по мысли поэта, остается один путь – в небытие. Но это небытие не будет раем:

...сюда пришла моя дорога!
Скажи же, Господи, отсюда мне куда?
[Случевский, 1988. С. 99]

Сюжеты стихотворений русских литераторов Финляндии, естественно, разворачиваются в месте их проживания, в приграничье, в так называемых контактных зонах. Карельский

перешеек и остров Валаам многие годы являлись именно такими, сначала в составе Российской Империи, а затем в границах Финляндии и СССР.

Тема русско-финляндской границы, появившись в стихотворении Александра Блока – «В дюнах» (1907) из цикла «Вольные мысли», положила начало традиции, особенно характерной для будущих русских писателей, живших в Финляндии.

...блуждая по границе
Финляндии, вникая в темный говор
Небритых и зеленоглазых финнов,
[Блок, 1960. С. 306]

лирический герой встречает юную финскую деву. Она убегает, но герой надеется на будущую встречу:

...И пусть она мне крикнет:
«Твоя! Твоя!»

[Там же]

В теме «охоты» на героиню, в чертах, роднящих героиню со зверем, исследователи находят влияние романа Кнута Гамсуна «Пан». Общими являются и борьба двух сильных личностей, «и само отождествление „северного“ с „первозданно диким“» [Раудар, 1982. С.194], что верно для одной, сюжетной части стихотворения. «В дюнах» есть и политическое содержание (этого мнения придерживается финский исследователь П. Песонен) [Pesonen, 1977. С. 12], навеянное отнюдь не Гамсуном, и черты реального быта русских таможенников, над которыми иронизирует Блок:

И русская таможенная стража
Лениво отдыхала на песчаном
Обрыве...

Поэт высказывает свою точку зрения на отношение царской России к Финляндии:

Там открывалась новая страна,
Песчаная, свободная, чужая...
И было мне смешно смотреть на этих
Скучающих солдат в зеленой форме,
Лениво ограждающих рабов
От вольных или вольных от рабов...
На русский бесприютный храм, глядящий
В чужую незнакомую страну.

[Блок, 1960. С. 439–440]

Эти строки, содержащиеся в рукописи и в первых публикациях до 1912 г., позже в окончательном варианте 1915 г. были сняты, вероятно, из-за цензурных соображений. Блок пророчески пишет о «новой стране», хотя в 1907 г., как известно, Финляндия и Россия существовали в единых государственных границах. Поэт избегает оценок, сомневается, кто рабы, а кто воль-

ные, полагая, что в зависимости от обстоятельств те и другие могут меняться местами.

След блоковской поэзии заметен в финской лирике. На блоковских «Скифов» Ууно Кайлас отозвался стихотворением «На границе» («Rajalla») в сборнике «Сон и смерть» («Uni ja Kuolema») 1928 г.:

Tulkoot hurttina aroiltaan!
Mahtuvat multaan tänne.
[Kailas, 1966. S. 249]
(Пусть со степей идут варвары!
В нашей земле пусть улягутся.)

Стихотворение «На границе» бросило тень на имя Кайласа, создав поэту репутацию реакционера, но даже отрицательное восприятие «Скифов» доказывает, что к поэзии Блока финны не были равнодушны.

А лирический сюжет блоковского стихотворения «В дюнах» повторился в стихотворении «У последней черты» русского финляндца Ивана Ивановича Савина (Саволайнена) (1899–1927) – одного из талантливейших поэтов русского зарубежья, переехавшего в Финляндию в 1921 г.

Стихотворение «У последней черты» (1926) посвящено Ивану Бунину. В сборнике произведений И. Савина «Только одна жизнь» оно ошибочно датировано 1925 годом. (Прим. жены поэта Л. В. Савиной-Сулимовской [Савина-Сулимовская, 1988. С. 8–10].)

По дюнам бродит день сутулый,
Нырря в золото песка.
Едва шуршат морские гулы,
Едва звенит Сестра-река.
Граница. И чем ближе к устью,
К береговому янтарию,
Тем с большей нежностью и грустью
России «здравствуй» говорю.
[Савин, 1988. С. 187]

И у Савина, и у Блока – образы золотого песка, моря, границы, и даже написаны эти стихи в одном и том же месте – в Дюнах, правда с разницей почти в двадцать лет. У обоих поэтов лирический герой находится у границы и описывает, что он видит «там». Но если у Блока «там» – это Финляндия, «новая страна» [в первоначальном варианте]: «песчаная, свободная, чужая...» [Блок, 1960. С. 439], то у Савина «там» – это Россия:

Там, за рекой, все те же дюны,
Такой же бор к волнам сбегал,
Все те же древние Перуны
Выходят, мнится, из-за скал.
Но жизнь иная в травах бьется,
И тишина еще слышней,
И на кронштадтский купол льется
Огромный дождь иных лучей.
(С. 187)

Далее Блок увлекается темой «погони», от его лирического героя убегает финская девушка, а в стихотворении Савина улетает птица:

Черкнув крылом по глади водной,
В Россию чайка уплыла –
И я крещу рукой безродной
Пропавший след ее крыла.

(С. 187)

Герой Блока уверен, что он догонит беглянку, герой у Савина уверен в обратном, что «след крыла» исчез навсегда.

В поэзии И. Савина гражданский пафос сочетается с тончайшей лирикой, причем отсутствует даже след какого-либо модного литературного влияния, отчетливо заметна «ориентация на классическую традицию» [Чагин, 2008. С. 338]. В сборнике «Ладонка», изданном в Белграде в 1926 г., почти все стихи – о пережитом в России. Родившийся в Одессе, Иван Савин не осознает Финляндию как родину (даже как родину своего деда), для него это одна из дорог, перекресток:

Мне недруг стал единоверцем:
Мы все, кто мог и кто не мог,
Маячим выветренным сердцем
На перекрестках всех дорог.
(«Законы тьмы неумолимы...» С. 174)

А себя он ощущает «блудным сыном» России, «кротким иноком». Для поэта ласковые годы остались в России, теперь же русские звезды светят на «чужих небосводах» («России». С. 172).

Под чужим небосводом «Господь помогает сладить» поэту с безутешной думой, что он потерял и родину и любовь. Природа успокаивает поэта, утешая, что «не надо так много плакать», в его пейзажную лирику постепенно входит Финляндия. В стихотворении «Закат» (1924) появляется образ северного заката, «такого медлительного», какой не снился никому. Но этот закат «цветет».

В пейзажной лирике Ивана Савина обращают на себя внимание стихи о море. В них дает себя знать и происхождение рода Савина – Саволайнена от потомственных мореходов, и любовь русских поэтов к водной стихии вообще. Свет маяка напоминает поэту «изумрудную слезу», стекающую по скале, а лунный свет – «густое вино». Казалось бы, все прекрасно: остывает «палящий день», маяк открывает «круглые глаза», наконец, «густое лунное вино» льется с неба. Но в полночь никуда не деться от воспоминаний.

Ударю по забытым струнам,
Забытым сердцем, как смычком.
(С. 179)

Море может подарить покой, но не может подарить забвения, ибо само море для поэта – это граница, это связь с минувшим, это – последняя черта.

В прозе Ивана Савина граница – это уже чисто духовный символ, не имеющий отношения к таможням, визам, паспортам.

В рассказе «Лимонадная будка» (1926) повествуется о жизни русского эмигранта музыканта Миши, не пожелавшего поменять свой статус, бросить музыку и ради куска хлеба идти работать на завод. И Миша, и лимонадная будка, где он жил, бездомны, поэтому, по мнению рассказчика, они всех понимают. «...Только потеряв свой край, свои поля, начинаешь понимать, что многоглагольна и чудесами вспахана земля Божия» (с. 138). Лимонадная будка, одушевленная автором, говорит по-русски, с финским акцентом, а Мишу местные мальчики встречали «радостными криками: Вэнэлайнен, Вэнэлайнен!» (с. 139) (*venäläinen* – русский). Сестра Миши убеждает брата, что пройдет лихолетье, Миша сможет поступить в консерваторию. Но Мише, осознавшему, что Бог, родина, музыка – все в душе, уже не надо ни дома, ни рояля: «Дорожить этим совсем не надо... этим, то есть родиной, домом и там еще... роялем. У меня – звезда светит» (с. 144). Миша умер с улыбкой на лице, успев, по мнению автора, познать радость общения с Богом, являющим себя в храме природы.

То, что это общение – единственная радость, доставшаяся эмигрантам, утверждают и валаамские монахи в очерках-рассказах Ивана Савина о Валааме: «Валаам – Святой остров» и «Валаамские скиты» (1926).

Для Савина Валаам – это очаг православия, «заброшенный в вековую глушь Финляндии» (с. 147). С одной стороны, монахи благодарны Финляндии: «Мощи не осквернены... церковные ценности не изъяты» («Валаам – Святой остров». С. 149), но с другой – в монастырь в Финляндии никто не хочет идти и богомольцев почти совсем нет.

Савин передает слова старого монаха: молодые могли бы прийти с юга, да граница закрыта, «а из здешних мало кто жить устает и к Богу приходит...» (с. 148). В очерке «Валаамские скиты» он пишет, что первое, о чем спрашивали Савина скитские отцы, – православный ли он, а узнав, что православный, иногда не могли сдержать слез: «Спаси Вас Бог. Забыты мы тут... Не из России ли? Как там? Господи?» (с. 155).

Часть очерка – трепетное описание северной природы. Единение «красоты и святости» притягивает автора, его удивляет «исключительный даже на Валааме покой» (с. 152).

Однако это уже Финляндия, ибо стиль летоисчисления в православном монастыре был не православным. Савин обращает внимание на то, что многие монахи «давно не ходят в храмы, „оскверненные“ новым стилем, <...> служат они в лесу, повесив икону на сосне...» (с. 157).

В очерке Савин ставит ту же проблему, что и в рассказе «Лимонадная будка», – о родине и душе. Музыкант Миша был убежден, что дорожить надо не землей, а душой. Монахи-старостильники, встретившиеся автору очерка, на его вопрос, что будет с монастырем, если за приверженность к старому стилю их выгонят, отвечали: «Пусть гонят! <...> мы сами пришли сюда на остров не его богатства спасать, а душу свою спасти» (с. 157). Такая точка зрения могла убедить, утешить многих русских, живших в зарубежье.

Новое летоисчисление, принятое в монастыре, – не единственное, что указывало на финскую принадлежность Валаама в 1920–1930-х гг., когда его посетили русские писатели Борис Константинович Зайцев (1881–1972) и Иван Сергеевич Шмелев (1873–1950). В путевом очерке «Валаам» Бориса Зайцева, написанном в 1936 г., автор не воспринимает Валаам как Финляндию. Даже лес на Валааме, по его словам, «не финский»: «Да, красота, а не лес. Такого я в Финляндии не видел» [Зайцев, 1936. С. 10].

Но замечает писатель и финские черты Валаама: казармы финских солдат, бритых монахов-финнов. Говорит он об этом мимоходом, не вдаваясь в детали: «<...> мимо жилья финских солдат спустились мы к озеру» [Зайцев, 1936. С. 63]. Внешность отца Лаврентия, «молодого, бритого, с нерусским акцентом» напоминает Б. Зайцеву «облик уже финского православия» [Зайцев, 1936. С. 21].

Иван Шмелев, автор «Лета Господня», впервые побывал на Валааме в 1897 г. в свадебном путешествии и тогда же написал свою первую книгу «На скалах Валаама». Вновь на Валаам писатель приехал через сорок лет, уже будучи автором «Солнца мертвых». Уже были написаны первые главы «Лета Господня» и повесть «Богомолье». Тот факт, что финны не разрушили православный монастырь, наполнил сердце писателя благодарностью к Финляндии. Он спокойно отнесся к тому, что Валаам стал относиться к новому государству, подчеркивая, что Валаам и Финляндию объединила сама природа. Парадоксально, что именно в этом случае певец православия в книге о православном монастыре не употребляет слово Бог, называя объединительницей природу: «Его не разрушают, не оскверняют, не взрывают. Суровая Финляндия к нему привыкла. Ведь и в

прошлом он был в ее границах: природа их объединила» [Шмелев, 1936. С. 6].

В памяти писателя от первой поездки на Валаам осталось очень много, в том числе и финский полицейский надзор. Еще тогда, за сорок лет до второго посещения острова, писатель столкнулся с надзором финской полиции при регистрации: «Позвольте запишу ваше имя-звание в гостиничную тетрадь, по полицейскому правилу... мы под финской полицией. Мы паспортов не смотрим, по виду верим... – говорит послушник» [Шмелев, 1936. С. 25].

Это воспоминание приводит Шмелева к выводу, что Валаам не был чужд финнам: «Помню сорок лет тому, „полицейский надзор“ над ним держали те же финны. Валаам чужим им не был: такой же, как и они – суровый, молчаливый, стойкий, крепкий, трудовой, – крестьянский». Валаам все-таки изменился, признается писатель. Перемена в том, что не видно России: «Да, стал другой немножко Валаам. Но жив и ныне. Раньше – жил Россией, душой народной. Ныне – Россия не слышна. Россия не приходит, не приносит своих молитв, труда, копеек, умиленья» [Шмелев, 1936. С. 6]. Но неизменным остался свет Валаама. И этот свет Шмелев сравнивает с маяком в надвинувшейся «ночи мира».

Как и Валаам, Карельский перешеек в начале XX в. был местом паломничества русских литераторов. Иметь дачи на Карельском перешейке до революции было престижно. После революции эти дачи для одних стали спасением, для других – гибелью. Еще в 1911 г. писатель Корней Иванович Чуковский, владелец одной из дач, назвал Куоккалу именно гибелью: «Куоккала для меня гибель. Сейчас здесь ровная над всем пелена снегу – и я чувствую, к[а]к он на мне. Я человек конкретных идей, мне нужны образы <...> а вместо образов снег» [Чуковский, 1991. С. 99].

Иное отношение к Карельскому перешейку было у русских литераторов, живших здесь постоянно. Одним из них был Вадим Данилович Гарднер (1880–1956), уроженец г. Выборга, сын американского инженера Даниэля Томаса Гарднера и писательницы Екатерины Ивановны Дыховой. Вадим Гарднер жил в имени матери в Метсякюля на Карельском перешейке, откуда был вынужден переехать в Хельсинки из-за начавшейся в 1939 г. Советско-финляндской войны. В Петербурге и Москве вышли его первые поэтические сборники «Стихотворения» (1908) и «От жизни к жизни» (1912). Третий сборник поэта «Под далекими звездами» был издан уже в Париже в 1929 г. в издательстве «Concorde».

В сборнике «Под далекими звездами» – стихи зрелого поэта о трагедии одиночества, о реалиях XX в., о перипетиях собственной судьбы. Но как бы трагично ни складывалась жизнь поэта, рядом с ним находилась боготворившая его жена Мария Францевна Гарднер (урожденная Череп-Спиридович). Уроженка Карельского перешейка, католичка по вероисповеданию, она до конца своих дней сохранила преданную любовь к России, куда ей уже не суждено было вернуться. Вадиму Гарднеру было с кем разделить свое одиночество: «И спасала только вера в вечную любовь» (с. 139). Образ Финляндии в соотнесенности с образом России – одна из центральных тем в творчестве Гарднера. Видоизменяясь, она появлялась во всех трех сборниках поэта. И хотя в первом сборнике поэт постоянно сетует, что он – южанин – живет на севере, «по ярости судьбы» [Гарднер, 1990. С. 36], северная студеная страна ему мила, и это – его **родная** страна:

Ты мне мила, суровая природа
Финляндии, страны моей родной...
«Финский сонет» [Гарднер, 1990. С. 25]

В «Лунной газэле» (1914 г.) из сборника «Под далекими звездами» Гарднер называет Финляндию «каменной», а свои стихи «не северными»:

В Суоми каменной, рунической
Слагал не северные руны я.
[Гарднер, 1990. С. 78]

В традиции русской поэзии Гарднер восхищается «каменной» Финляндией – финскими скалами. Но для поэта, живущего среди них, скалы – каждый раз разные, они меняют цвет:

Здесь живем меж камней разноцветных и скал,
то нагих, то во мхи облаченных.
«Здесь живем меж камней...»
[Гарднер, 1995. С. 62]

По мнению поэта, «сокровенное скал размышленье», «мудрость большой глубины» истолковать невозможно, но в камнях и скалах он видит

Мир забытых, но чудных сказаний...
(С. 62)

Калевальской метрикой – четырехстопным хореем написано одно из ранних пейзажных стихотворений Гарднера «Волны мелки, лысы камни...» (из сборника 1908 г.), где есть строки об обнаженности камней: «даже мхом они не покрыты», о суровой и безмолвной зелени можжевельника, о рокоте моря, похожем на волю северян:

Тех, чьи мысли так прозрачны,
Чьи воленья так спокойны.
(С. 12)

В стихотворении «Начало осени в Финляндии», опубликованном в 1916 г. в «Русской мысли», осенний пейзаж передан через знаки крестьянского труда –

Из риги синий дым; снопы... еще снопы...
(С. 58)

Живя в Метсякюля, на плодородной земле, поэт становится очевидцем и сенокоса, и сбора урожая, и сева озимых. Гарднеру близки образы финской народной поэзии, в его стихах звучит кантеле, а сосны и болота слагают свои «руны»:

И руны сосен и болот,
И звуки кантеле старинной...
«Из дневника поэта» [Гарднер, 1990. С. 124]

Пользуясь калевальским стихом, он пишет в 1932 г. свою руну об Илмаринене, одном из главных героев «Калевалы». Гарднер останавливает свой выбор на ковatele Сампо и потому, что с этим героем связан образ огня, света, столь любимый поэтом, и потому, что Илмаринен – кузнец, кователь, человек труда:

В старой кузнице краснеет
В очаге огонь ретивый, ...
Алым блеском озаренный,
Показался Ильмаринен.
«Купол церкви православной...»
[Гарднер, 1990. С. 130].

Илмаринен необходим Финляндии, чтобы рассеять «тучи серые <...> над Суоми», разогнать «чернокрылых ворон». «Огонь ретивый» в кузнице Илмаринена сливается в стихотворении с блеском от купола православной церкви:

Купол церкви православной
Бледным золотом блистает
Над туманным финским лесом.
[Гарднер, 1990. С. 130]

«Алый блеск» Илмаринена и блеск «купола православной церкви» в стихотворении соединены, это два источника света, поддерживающие друг друга. А через пять лет в его «Сонете (обратном, нестрогом)» 1937 г. только одна звезда будет светить над черным лесом: «Вдруг засиявший теплый веры луч» (с. 46).

С началом советско-финляндской войны всем жителям Карельского перешейка пришлось срочно покинуть родовые имена и уезжать в неизвестные уголки Финляндии. Многие хотели остаться. В разговоре с автором этих строк Мария Францевна Гарднер рассказывала, что русские жители Карельского перешейка

собирались с приходом советских войск остаться жить в своих домах, но уже на территории Советского Союза. Они знали о ссылках («Г.П.У. справляет шабаш свой» – писал Гарднер еще в 1928 г. в стихотворении «Наводнение 1924 г.» [Гарднер, 1990. С. 100]). Они были готовы ко всему, но не к переезду в Хельсинки. Остаться в своих домах было запрещено [Гарднер, 1997]:

Мчит нас, мчит автобус. Все родное
Все, что близко нам было, – вдали.
«Едем мы. Позади нас пожары». С. 79

Поэт познает всю тягость «лямки беженца», предчувствуя, что жизнь в Хельсинки будет «не его жизнью»: «Вся эта жизнь не моя» [Гарднер, 1990. С. 126]. В 1942 г. поэт создает «Нюландский сонет» (впервые опубликованный лишь в 1987 г. в «Русской мысли» в Париже), где признается, что в душе все оборвалось, что не вызывают больше сочувствия ни «безмолвие камней», ни «закрытые сердца»:

О, Гельсингфорс, излюбленный ветрами,
Ты мало, горделивец, мне знаком.
По стогнам я твоим бродил пешком.
Но ты с двумя своими языками
Не близок мне; стеной они меж нами.
[Гарднер, 1990. С. 111]

Оставляя Карельский перешеек, поэт понимает, что он теряет родину. В стихотворениях позднего Гарднера образ Финляндии-родины, созданный в сборнике 1908 г., превращается в образ Финляндии-чужбины: «Мы маемся тут на чужбине» («Твои неохватные дни...» [Гарднер, 1990. С. 143]). А родиной становится уже недосягаемая Россия:

В груди мы храним твою душу,
Родимая наша страна.
«России». С. 61

В «Алкеевых строках» 1943 г. поэт будет уже не Илмаринена, а славянского бога Сварожича молить «рассеять мрак финский»:

Сварожич мощный, щит и оплот славян,
Рассей мрак финский, дай нам тепла опять.
[Гарднер, 1990. С. 161]

В стихотворении «Здесь и там» Гарднер сравнивает зимнюю Россию и Финляндию, казалось бы, один и тот же ландшафт, один и тот же снег, так же дети катаются на лыжах и коньках, играют в снежки,

Но все эти шалости, игры –
Забавы не русских детей.
Не наши здесь деды морозы
Хрустят под ногами ветвей...
[Гарднер, 1990. С. 93]

В чем разница между финской и русской зимой? Для поэта зима в России «как-то сказочней»:

И сказочней как-то в России
Снегов голубое серебро.
Мечтательней наши подростки,
В них больше огня и души,
Чем здесь в молчаливой Суоми,
В болотной карельской глуши...
[Гарднер, 1990. С. 94]

Именно в Финляндии во времена «распятой красоты» (с. 160) возникает подлинная любовь поэта к России, он пишет цикл стихотворений: «Я в Руси», «Святой Руси», «Грядущей Руси». И, как Алеша Карамазов у Достоевского, приземлет в России все:

Все приемлю и нежно люблю –
Вот зачем о Руси я скорблю.
[Гарднер, 1990. С. 72]

Ну а Финляндия? Она осталась «белозвездной вселенной» с «чуждыми душами». В 1942 г. Гарднер пишет «Октавы», в которых признается:

Мне север люб. Мила его природа,
Но чужды часто души северян.
[Гарднер, 1990. С. 158]

Несмотря на «чуждость» северян, Гарднер любил «воздух севера», «мир таинственных сказаний», «полночную Красоту».

И если бы не война 1939 г., не потеря дома на Карельском перешейке, не надорванные струны гарднеровской лиры, возможно, образ Финляндии, созданный поэтом, был бы более светлым, а сам Гарднер остался бы в истории русской поэзии певцом «разноцветного» гранита, сосен и моря – всего того, что он так любил в молодости.

Сотрудница Славянского отдела библиотеки Хельсинкского университета Вера Сергеевна Булич (1898–1954), так же как и Вадим Гарднер, оказалась после закрытия границы в собственном родительском доме на Карельском перешейке на территории другого государства. Культура Финляндии не была для нее чужой. Булич переводила с финского и шведского языков поэзию Катри Вала, Ууно Кайласа, Эдит Сёдергран, Элви Синерво, знала и любила творчество Эйно Лейно. «Поэт смирился со своей участью скитальца, – пишет о Булич исследовательница из Йёнсану Н. Башмакова, – и творит на стыке культур <...> она, пожалуй, единственная питала живой интерес к окружающей инородной культурной среде, включала ее органически в свое творчество» [Башмакова, 1992. С. 171–173].

Уже в первом сборнике «Маятник» (1934) появляется образ Финляндии, но лишь как фон, на котором разворачивается лирический сюжет ее стихотворений. В сборнике «Бурелом» 1947 г. почти все стихотворения связаны с прошедшими войнами. Поэтесса, для которой обе страны были родными, создает свои стихи-молитвы и за Россию, и за Финляндию – за «две рядом стоящие планеты»:

И знаменем над зарею –
Двух рядом стоящих планет
Сверкает двойною игрою
Апокалиптический свет.
«Суровая зима». 1939–1941
[Булич, 1947. С. 32]

Образ Финляндии в этом «военном» сборнике не становится негативным. Но в стихотворениях о Хельсинки, о финской природе и финнах теперь постоянно присутствует «взгляд на восток» («Гельсингфорс на заре», «Папироза „Беломорканал“», «Эмигрант», «Бурелом»). Поэтесса включает в сборник и довоенные стихотворения 1930-х гг., написанные после «Пленного ветра», одно из которых – «Гельсингфорс на заре» (1938) – содержит вдохновенное живописание финской архитектуры и сюжет о чувстве Е. Баратынского к красавице Авроре Карамзиной, возникшем «под светом северных небес».

Осталось ли что-нибудь в Хельсинки в наследие от времен Баратынского и Авроры, задумывается поэтесса. Да, осталось. Сам простор утреннего города и «тот же взгляд – в разлуке – на восток» (с. 9).

Трагизм судьбы В. Булич проявился в стихах военного времени, в ее известном стихотворении «Бурелом», в цикле «Суровая зима». Поэтессе представляется свое поколение буреломом, а собственная душа – сиротой:

Броди, душа, по миру сиротой,
И в дом чужой ты заходи с опаской.
«Бурелом». 1944. С. 51

Но как бы ни хотела поэтесса не обольщаться чужой теплотой, тепло она находит именно в «чужом углу», ибо в своем – «тьма нежилая»:

Присядем, Муза, у огня,
У жаркой деревенской печки.
Не для тебя, не для меня
Горят рождественские свечки.
Из милости в чужом углу
Мы приютились втихомолку...
(С. 30)

На земле нет благополучия, но и звезды над головой – чужие, ведь родина – это «небо в знакомых звездах» («Родина». С. 59).

Поэтесса испытывает ненависть к войне, но к солдатам обеих воюющих сторон она относится по-матерински. Без злобы пишет В. Булич о финнах, рассматривающих фотокарточки двух девушек, подруг погибшего русского политука.

Русских женщин красота нежна,
Любовались финны-офицеры.
«Папироза „Беломорканал“». С. 46

Финны для поэтессы – народ, судьба которого не менее трагична, чем судьба народа русского. «Трагична бывает судьба поэта. Достаточно вспомнить наши русские имена <...> Судьба финского поэта, может быть, трагичнее» [Булич, 1947. С. 5]. Поэтесса восхищается новаторством поэзии «пламеносцев» (Tulenkantajat) и той упорной волей, с которой они вели борьбу за утверждение своих идеалов и за свою собственную жизнь, проявляя «знаменитую национальную черту финского характера» [Булич, 1947. С. 6]. Возможно, у финских поэтов В. Булич училась преодолевать трудности. Стихи самой Веры Булич поддерживали во многих русских волю к жизни, оптимизм и надежду.

Русские поэты, жившие в Финляндии между двух войн, для кого Финляндия была действительно родиной, осознавали ее родной, но не ласковой страной, а себя нелюбимыми детьми, пасынками.

Переход границы изображался в русской поэзии и прозе по-разному. Это было и реальное пересечение границы с ее таможенными правилами, полицейским надзором, проверкой паспортов, и духовный путь от разобщенности к синтезу, от географических границ к границам бытия, и поэтическая дорога от мира внешнего к миру внутреннему, от двух источников света к свету единому. Образы Финляндии и России, видоизменяясь, в сознании русских авторов, живших возле границы, существовали нераздельно, по выражению Веры Булич, как «две рядом стоящие планеты».

Литература

Башмакова Н. «Мы говорим на разных языках» // Slavica Helsingiensia 11. Studia. Russia Helsingiensia et tartuensia III. Helsinki. 1992. S. 171–173.

Блок А. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. 468 с.

Булич В. Бурелом. Гельсингфорс: [Б.и.], 1947. 70 с.

Булич В. Ууно Кайлас и Катри Вала // Русский журнал. Хельсинки, 1947. С. 5–10.

Гарднер В. У Финского залива. Избранная лирика / Сост.: Т. Пахмусс, Б. Хеллман; вступ. ст. Т. Пахмусс. Хельсинки: Гранит, 1990. 180 с.

Гарднер В. Избранные стихотворения / Сост.: О. Б. Кушлина, П. Х. Тороп / Предисл. Д. М. Магомедовой. Заключение П. Х. Тороп. СПб.: Акрополь, 1995. 96 с.

Гарднер М. Ф. Запись беседы от 4 июня 1997 г. Хельсинки. Личный архив Е. Г. Сойни.

Зайцев Б. К. Валаам. Таллинн: Странник, 1936. 80 с.

Раудар М. Север и Скандинавия в лирике Блока // Скандинавский сб. Таллинн: Ээсти раамат, 1982. Вып. 27. С. 182–198.

Савин И. Только одна жизнь. Нью-Йорк, 1988.

Савина-Сулимовская Л. В. [Пометки на полях]. К читателям // Савин И. Только одна жизнь. Нью-Йорк,

1988. С. 8–10. Архив библиотеки Русского купеческого общества. Хельсинки.

Случевский К. К. Стихотворения. Поэмы. Проза / Вступ. ст. и примеч. Е. В. Ермилова. М.: Современник, 1988. 432 с.

Чагин А. И. Пути и лица. О русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 600 с.

Чуковский К. И. Дневник 1901–1929. М.: Советский писатель, 1991. 545 с.

Шмелев И. С. Старый Валаам. Czechoslovaquie. 1936. 160 с.

Kailas U. Runoja. Helsinki: WSOY, 1966. 260 s.

Pesonen P. Venäläiset Symbolistit ja Suomi // Kirjallisuudentutkijain Seuran vuoskirja. 1977. N 30. S. 1–16.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сойни Елена Григорьевна

старший научный сотрудник, д. филол. наук
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: soini@krc.karelia.ru
тел.: (8142) 781886

Soini, Helena

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: soini@krc.karelia.ru
tel.: (8142) 781886